

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА НА ПЕРЕПУТЬЕ

Майминас Е.З.

(Москва)

Рассматриваются проблемы возвращения отечественных экономистов в мировую экономическую науку, сложившаяся в отечественной науке ситуация и ее корни, освещается поиск новых парадигм. Дается краткая характеристика главных направлений развития экономических исследований на современном этапе и задач, стоящих перед высшим экономическим образованием.

О чем речь. Уже первые наши шаги из тоталитарной системы породили всеобщий интерес к экономике — интерес кровный, непосредственно затрагивающий каждого гражданина. При этом выявилась экономическая некомпетентность не только, как было принято говорить, простых советских людей, но и власть предержащих, которым с трудом удалось набрать правительственную команду, способную со знанием дела обсуждать и пытаться решать современные хозяйственные проблемы. И не удивительно: по меньшей мере два, а то и три поколения советских экономистов были почти герметически изолированы от мирового потока экономической науки и практики и погружены в "вечно живое", "всесильное" марксистско-ленинское учение, сформировавшее их представление о стране и мире в виде мифов о победоносном социализме и общем кризисе капитализма. Столкнувшись с реальностью, мифы рассыпались, и теперь мы стоим на их развалинах в поисках пути.

Я уже кратко высказывался по этим проблемам в [1], где в качестве главного профессионального долга экономистов названа задача вернуться в мировую науку. Вернуться, чтобы изучить ее достижения, понять, что и как применимо к нашей действительности, и, влившись во всемирное научное сообщество, обратившись лицом к жизни, добывать собственные теоретические результаты и предлагать обоснованные практические рекомендации. Одновременно предстоит научить экономике студентов, специалистов, широкие слои населения, поднять (точнее, воссоздать) общую экономическую культуру в стране.

Как это сделать? Об этом идет речь в настоящей статье*.

Глубина провала. Мы не всегда отдаем себе отчет в том, каков исходный уровень, с которого приходится буквально выкарабкиваться к нормальной экономической науке. В качестве примера возьмем официальный учебник для экономических специальностей вузов "История экономических учений" [7], изданный уже в 1983 г. тиражом в 45 тыс. экземпляров**. Во "Введении" авторы учебника сразу же берут быка за рога: "История экономических учений имеет классовый, партийный характер. Подлинно научной, отражающей объективный процесс возникновения и развития эконо-

*В частности, меня стимулировали две интересные работы Е.Н. Кузнецова [2, 3], живой полемический отклик на них И. Бирмана [4] и деловые обзоры А.Р. Маркова [5, 6]. Когда предлагаемая статья уже была написана, мне довелось участвовать в весьма поучительном обсуждении в Институте экономики РАН серьезного доклада О.И. Ананьина "Экономическая теория на пути к новой парадигме".

**Я сознательно не называю 22 авторов и 4 редакторов учебника, поскольку они исходили из стандартной общеобязательной схемы для подобного рода работ. Тем более что и сам я не без греха, используя ее 30 с лишним лет тому назад при рассмотрении экономических концепций в Литве.

мических взглядов, является марксистско-ленинская теория" [7, с. 3]. А в последних строках учебника студент получает завершающий вывод всего курса: "История экономических учений свидетельствует о том, что все попытки создать теорию, которая могла бы противостоять несокрушимой силе марксизма-ленинизма, неизбежно заканчиваются провалом. Марксизм-ленинизм получает все большее распространение, и влияние его в народных массах растет. Исторические события современной эпохи свидетельствуют о триумфе марксизма-ленинизма" [7, с. 552].

Структура и содержание всего текста, заключенного между этими двумя основополагающими тезисами, полностью им отвечают. Его 35% занимает история марксистско-ленинского экономического учения, которое студенты уже проходили в основном курсе политэкономии. Отдельные параграфы посвящены "развитию этого учения в документах ВКП(б) и КПСС", причем соответственно духу времени Сталин и его работы даже не упоминаются. Более того, на всякий случай целая глава (на 38 страницах) о современной советской экономической науке вообще не содержит ни одной фамилии (!). Аристотелю и Фоме Аквинскому выделено по полстраницы, всем западным меркантилистам — три с половиной, зато персонально И. Посошкову — почти полторы страницы. Поскольку с середины прошлого века буржуазная политэкономия стала, дескать, сплошь "вульгарной", а после Октября "переживает глубокий кризис, который представляет собой не что иное, как одну из форм общего кризиса капитализма" [7, с. 360], церемониться с ней нечего. Так, с А. Маршаллом авторы разделяются на двух, с монетаризмом — на трех с половиной страниц. Более половины Нобелевских лауреатов-экономистов вообще не упоминается, как не говорится и о существовании и значении Нобелевских премий по экономике. Не повезло также выдающимся русским ученым нашего века. О них студент узнает лишь, что выступления Н.Д. Кондратьева, А.В. Чаянова, Л.Н. Литошенко имели "реставраторскую сущность", а у того же А.В. Чаянова вкупе с Н.Н. Сухановым и А.Н. Челинцевым были "неонароднические измышления" [7, с. 307—308]. Ни системы взглядов, ни аргументов "вульгарных экономистов" авторы не приводят. Одна лишь разносная критика, о характере которой можно судить, скажем, по главе, посвященной "банкротству буржуазной советологии": «с целью дискредитации реального социализма он трактуется как "командная", "тоталитарная" система, базирующаяся на голом администрировании, что использовалось для извращения централизованного социалистического планирования и управления народным хозяйством» [7, с. 537].

Я столь подробно остановился лишь на одном учебнике, но и другие учебники и монографии по политэкономии и истории экономических учений в основе своей были столь же идеологизированы, живописуя ирреальные черно-белые миры фантомов "ихнего" загнивания и "нашего" расцвета. С таким багажом "знаний" и стереотипов в течение десятилетий до самого последнего времени выходили из стен советского вуза экономисты с высшим образованием. Запас того же качества, но меньшего объема уносили с собой выпускники иных специальностей.

Сейчас именно они в подавляющем числе и заполняют министерства, заводоуправления, органы местной власти и охраны порядка, составляют депутатский корпус, трудятся в социальной сфере, на ниве науки и образования. Конечно, идеологический заряд — если и был — у всех, за исключением фанатиков и тугодумов, давно выветрился. В мозгах образовалась причудливая смесь старых догм, жизненного опыта административной системы хозяйствования и способов выживания в ней, новомодных терминов из газет и многочисленных отечественных "бирж", туристских впечатлений от зарубежных вояжей или "телекинопутешествий". Не приходится удивляться опасному дилетантству весьма высокопоставленных чиновников, экономической безграмотности многих парламентариев — это скорее не их вина, а наша общая беда. Но уже никак нельзя снять вину с тех аспирантов, диссертантов, докторантов, "остепененных" квазиученых, которые и сегодня продолжают "творить" без глубокого знания мировой науки и практики по исследуемой проблеме, без сопоставления с ними своих представлений и выводов (подробнее см. [1]). К сожалению, пока такой непрофессионализм в нашей экономической науке преобладает — по числу публикаций по крайней мере.

Значит, мало получить разрешение, как радовался тому еще Тацит, "думать, что хочешь, и писать, что думаешь". Надо научиться думать, анализировать, а кстати, и писать. Во всяком случае, образ тупика [2, 4] для характеристики нынешнего состояния нашей экономической науки мне представляется неточным — он как бы предполагает возможность довольно простого разворота на той же машине и возвращения на магистраль (благо, теперь и маршрут известен). Нет, машина, проплутав по проселкам, свалилась под откос, рассыпалась, и, чтобы выбраться из провала на магистраль, нужны иные машины и хорошие водители. Для этого требуются время, желание, напряженный труд и соответствующие условия.

Каковы условия. Ошибочно представлять нашу ситуацию в одних мрачных тонах, когда беспредельное самовосхваление заменяется безудержным самоуничтожением. Прежде всего появилась и пока расширяется возможность более или менее свободного занятия наукой, обсуждения и публикации его результатов. "Пока" — поскольку еще нет гарантии необратимости движения к свободе. "Более или менее" — потому, что из-за нехватки средств затруднены полнокровные научные контакты с мировым сообществом и даже внутри страны (научные обмены, конференции, издание и перевод, приобретение литературы, стажировки и т.п.). Это — во-первых. А во-вторых, независимое, свободное, в полном смысле слова объективное исследование встречает явное или скрытое сопротивление как догматиков, так и крайних радикалов — тех, для кого идеология выше истины, а научная этика подменяется защитой "своего" клана. Все эти факторы — политические, материальные и духовные — существенны, но переоценивать их значение не следует.

Пусть необходимые предпосылки подобного рода уже созданы. Если при этом развитие данной науки в стране начинается с чистого листа, то проходит много времени, прежде чем в ней образуется "критическая масса", достаточная для формирования собственного научного ядра и поддержания научного процесса. Сюда входит и соответствующая "инфраструктура": научные лаборатории, учебные заведения, кафедры, система финансирования и т.п. Проблема "критической массы" представляется центральной. Пока ее нет, идет заимствование, а не участие в мировом научном сообществе. Приезжают из-за рубежа преподаватели и советники (не всегда лучшие), едут за рубеж студенты и далеко не многие возвращаются домой учеными, менеджерами, хорошо образованными чиновниками... Такой путь прошли экономисты Индии, Японии, многих латиноамериканских стран. С этого, собственно, начинала и Россия времен Петра I.

Ко второй половине XIX в. уже сформировалась необходимая "критическая масса" российской экономической мысли, сначала прикладной хозяйственно-политической направленности и партийно-политического толка. На этой базе была разработана и проведена крестьянская реформа 1861 г., обосновывались и осуществлялись меры экономической политики Н.Х. Бунге и С.Ю. Витте, аграрная реформа П.А. Столыпина. В непримиримых спорах славянофилов и западников, консерваторов, либералов и социалистов, народников и марксистов зрели оригинальные теоретические идеи.

В первые десятилетия нашего века российская экономическая наука выходила уже на подлинно мировой уровень*. Кроме упомянутых Н.Д. Кондратьева, А.В. Чаянова и других ученых следует назвать хотя бы М.И. Туган-Барановского, В.К. Дмитриева, А.А. Чупрова, Е.Е. Слуцкого, Л.Н. Юровского и прочих авторов денежной реформы 1922–1924 гг. и нэпа, создателя тектологии А.А. Богданова, блестящую плеяду ведущих экономистов Госплана 1920-х годов. В ряду с ними — выброшенные Октябрем из страны Н.А. Бердяев, Б.Д. Бруцкус, П.Н. Милюков, П.А. Сорокин, П.Б. Струве и многие другие. Здесь учились и начинали свой путь в науке будущие Нобелевские лауреаты С. Кузнец и В.В. Леонтьев, также выехавшие из СССР. Еще застал петербургские научные традиции обществоведения молодой студент-математик Л.В. Канторович — единственный советский Нобелевский лауреат по экономике.

Вся эта "критическая масса" была расколота гражданской войной и эмиграцией,

*Она шла вровень, а то, пожалуй, и опережала США, но еще отставала от ведущих в то время научных школ.

растерта в лагерную пыль, развеяна ссылками и задушена запретами. "Великий перелом" похоронил экономическую науку в СССР, а "отходную" произнес Сталин на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. Далее, на перепаханном и коллективизированном партией Ленина–Сталина поле могли невозбранно расти пустоцветы марксистского догматизма и сорняки социалистической апологетики. Любой отклонившийся по цензурному недосмотру от этого стандарта плод самостоятельного научного анализа выпалывался разносной партийной критикой или в лучшем случае в небрежении замалчивался. Например, Л.В. Канторович испытал сначала вторую, а затем и первую форму неприятия своих трудов. В разные годы били, отлучали от науки А.А. Конюса, В.В. Новожилова, А.Л. Лурье, Л.Е. Минца, А.Л. Вайнштейна (его, как и других, еще неоднократно и сажали). Пострадал за защиту генетики В.С. Немчинов. Но они жили, как могли работали, оберегая научные традиции...

Поэтому, как только XX съезд КПСС ослабил карательный и идеологический пресс, сохранившиеся экономисты старшего поколения сразу приступили к воссозданию "критической массы" своей науки в СССР, восстановлению связи времен и контактов с мировым научным сообществом. Особую роль в этом сыграло становление экономико-математического направления в советской науке и высшем экономическом образовании*. Этому много сил отдали В.С. Немчинов, Л.В. Канторович, а затем особенно Н.П. Федоренко. То был не только наиболее естественный, деидеологизированный канал приобщения к профессиональной экономической науке. Математизированная и кибернетизированная оболочка в известной мере ограждала часть нового экономического ядра от идеологических атак, усилившихся в годы "застоя". Порой это стоило векселей, выдаваемых партгосруководству, которое надеялось поправить дела в стране без коренных реформ за счет оптимизации планирования и автоматизации управления.

Для передовой части экономистов-математиков оптимизация и автоматизация были тропой в экономическую теорию и подступом к реформам экономики. Вообще ведущим умонастроением в самом научном ядре "новой волны" (и связанных с ним немногочисленных хозяйственных кругах) уже с 1960-х годов был более или менее осознанный порыв к реформаторству. Он генерировал предложения к захлебнувшейся реформе 1965 г., множество различных рекомендаций, докладных записок, почти все программы перестроечных (и, вероятно, постперестроечных) лет. Значит, уже функционировала порождавшая этот поток "критическая масса". А с 1990–1991 гг. из нее стали рекрутироваться и властные и коммерческие структуры. Параллельно все эти годы не иссякал и эмиграционный ручеек, но есть надежда на восстановление прочных контактов с российским экономическим зарубежьем.

Приходится признать, что и масштаб и качественные характеристики нашей "критической массы" недалеки от того уровня, ниже которого здоровый воспроизводственный процесс в науке и образовании вообще затухает. Только лучшие продукты иной эпохи, прежде всего нобелевский вклад Л.В. Канторовича, а также основные исследования А.Л. Лурье, В.С. Немчинова и В.В. Новожилова, да еще несколько более поздних и нынешних работ (в основном по математической экономике) получили международное признание в экономической теории и методологии. Даже масштабный теоретический анализ "родной" нам централизованной плановой экономики выполнил не современный российский, а венгерский ученый – Я. Корнай. (Я не говорю о советских авторах 1920-х годов, о более поздних работах польских экономистов О. Ланге и В. Бруса, некоторых венгерских исследованиях.) Не нашлось в ящиках отечественных письменных столов ничего, что бы стоило теперь опубликовать в отличие от рукописей экономистов тех же 1920-х годов. Из почти миллионной армии экономистов с высшим образованием в нынешней России мизерная часть подготовлена к рыночной экономике и современному коммерческому анализу и прогнозу.

Словом, мы начинаем не с чистого листа: имеется немалое наследие, созданы неко-

*Непростая и во многом драматичная история этого процесса освещена в ряде зарубежных работ (А. Ноува, А. Заубермана, М. Эллмана, М. Кейва и др.). Хотел бы отметить сравнительно новые и обстоятельные книги А.И. Каценелинбойгена [8] и П. Сутелы [9]. Частично мое собственное представление содержится в статье [10].

торые предпосылки. Но во весь рост вырисовывается громадная, сложнейшая и актуальнейшая проблема развития российской экономической науки и высшей школы. Им еще предстоит обрести себя в мировой науке и подняться до мировых стандартов высшего экономического образования.

В поисках новых парадигм. Т. Куном [11] введено понятие парадигмы как некоторой совокупности прошлых научных достижений, которые признаются в течение известного времени определенным научным сообществом в качестве основы его дальнейшей деятельности. Оно важно для понимания ситуации в официальной "советской экономической науке", которая базировалась на парадигме марксизма-ленинизма*. Эта парадигма потерпела крах задолго до крушения оправдываемой ею экономической системы, поскольку она была не способна выполнять объясняющую, прогностическую и рекомендательную функции науки. В отрыве от них мировоззренческая функция могла породить лишь антинаучную, апологетическую идеологию с соответствующим набором мифологем.

Ныне, когда этот крах стал очевиден всем, кроме самых "твердолобых", широким фронтом — от "анархистов до монархистов" — развернулся поиск новых парадигм в обществоведении, в том числе и в экономической науке. Вновь, как в давние времена, разгорается спор "почвенников", сторонников самобытных доктрин и путей, с "западниками". В экономической науке последние сейчас преобладают. Видимо, проиграв в "холодной войне" заставляет обратить взор к победителям, их экономике, науке и в первую очередь к американским образцам, поскольку именно США выступали главным соперником.

Кстати, повальное увлечение какой-либо одной зарубежной теорией или новомодной философской концепцией — характерная черта той части российской интеллигенции, которая пыталась приспособить к отечественным нуждам иностранные веяния. Это многократно отмечалось в российской литературе (достаточно указать на А.И. Герцена, В.О. Ключевского, авторов "Вех", особенно Н.А. Бердяева [12]).

Сейчас, вопреки такой давней традиции, важно видеть не один лишь американский — пусть и ведущий — сектор экономической науки, но все ее многообразное и взаимосвязанное мировое поле. Я имею в виду не только влиятельные европейские, но и японскую, индийскую, латиноамериканскую школы. Последние сформировались позже и им пришлось решать, воспринимая и переосмысливая западные парадигмы, проблемы индустриализации и постиндустриального общества, во многом сходные с нашими. Особенно поучителен для нас опыт Японии, сумевшей трансформировать традиционную культуру, общинно-патерналистские ценности и даже имперские установки, сплавить их с западными реалиями и использовать для технологического и экономического рывка из руин войны к мировым высотам.

Таким образом, новым пилигримам и за океаном не удалось обрести "чашу Грааля" — вместо привычной, целостной как монолит, единственно верной конструкции они (к удивлению неопитов) обнаружили множество разнородных парадигмальных теорий, методологических подходов и тем более прикладных рекомендаций.

Правда, в нем наблюдается некое наиболее влиятельное "главное течение", в котором преобладает парадигма неоклассического синтеза, сформулированная П. Самюэлем и сосуществующая с противостоящей ей либеральной линией Чикагской школы (в частности, монетаризмом М. Фридмана). Но рядом развиваются институциональная экономика, поведенческая экономика и многие иные направления и подходы. Они как-то соотносятся друг с другом, взаимно пытаются интерпретировать и инкорпорировать полученные результаты.

В то же время при всем разнообразии есть некая общая основа (если угодно "фундаментальная парадигма"), представляющая собой скорее единый язык: систему обще-

*Иначе говоря, марксизма в его большевистской интерпретации, обосновывающей победу социализма в одной стране, которая одновременно должна стать базой мирового революционного процесса, и роль "государства диктатуры пролетариата" (а затем — "общенародного") как демиурга социалистических производственных отношений. Не все работавшие в СССР экономисты руководствовались этой парадигмой.

принятых понятий, правил вывода, оценочных критериев допустимости и качества теоретических результатов и т.п. Мировое научное сообщество (в широком смысле охватывающее все науки) признало, что в этом отношении экономические исследования уже вышли из сферы искусства, где ценится неповторимость каждого индивидуального результата, и получили статус подлинной науки с ее критериями повторяемости и воспроизводимости результатов. Признанием данного факта явилось учреждение в 1968 г. Нобелевских премий по экономике, впервые после смерти их fundатора пополнивших список наук, по которым эти премии присуждаются*.

Главное отличие отечественной экономической науки (кроме узкого круга работ экономико-математического направления) в том, что она "говорит на другом языке", изначально отличным от языка современной мировой экономической науки. Именно это, а не парадигма сама по себе ставит барьер, препятствующий ее вхождению в мировое сообщество ученых-экономистов (где есть продолжатели старой классической школы А. Смита — Д. Рикардо, такие, как П. Сраффа, и марксисты типа А. Пезенти, социалисты и т.п.). В свое время К. Маркс вписывался в мировую науку, главное течение которой представляла тогда классическая школа. С тех пор наука ушла далеко вперед и эта "языковая" связь уже давно была утрачена марксизмом-ленинизмом.

Поэтому предстоит прежде всего овладеть языком современной экономической науки** (более подробно см. [1] и особенно [2, 3]).

Прежде чем заимствовать или создавать новые парадигмы и теории, необходимо освоить систему понятий и методов, все разнообразие теоретических концепций и подходов, научиться их оценивать и синтезировать в исследовании различных проблем, никоим образом не сводя жизнь лишь к одной исключительной схеме.

Приверженность к единственной, априорно верной на все случаи схеме с ее последующей догматизацией и ожесточенным отторжением любого инакомыслия имеет глубокие корни в российском общественном сознании. Она стала тотальной принудительной в марксизме-ленинизме советского периода, где единомыслие было необходимой формой существования идеологии самой тоталитарной системы. (Все это хорошо показано Н.А. Бердяевым [12]). Сия традиция тоже есть часть нашего наследия и преодолевать ее чрезвычайно трудно. Дело не только в теоретико-методологической узости многих сегодняшних работ и непримиримости ряда дискуссий. В конце концов это может пройти с расширяющим кругозор образованием и воспитанием терпимости. Главное — сломать изначальный "монистический априоризм" в методологии и теории. Характерно, что многие отечественные политэкономы, признав необходимость обновления своей теории, продолжают ориентироваться на создание единой и общей для всех концепции. Чаще всего они ратуют за восстановление подлинного марксизма, очищенного от наслоений, или хотя бы за использование его "непреходящих истин". В других случаях сторонники марксизма склоняются к социал-демократическим доктринам. Немалое их число сейчас, на новом витке истории, по сути возрождают и обновляют идеи традиционно сильной в России "государственной школы", некоторые из коих в свое время были не чужды марксизму. Социальная база для всех названных вариантов в сегодняшней России есть. И психологически подобные стремления понятны. Но идти бы надо от жизни к теории, а не в обратном направлении.

Однако даже и этот путь (от жизни) не обязательно один — разные дороги ведут к Храму истины. Многие мои коллеги начинали в экономико-математических исследованиях с разного: кто — с межотраслевого баланса, кто — с линейного программиро-

*Первая — в 1969 г. Отметим, что за философские труды Нобелевские премии присуждали по разделу литературы, как бы относя их к искусству. Две трети Нобелевских лауреатов по экономике работают или работали в США, что подтверждает ведущую роль американской экономической науки в современном мире.

**Насколько мы далеки от него, можно судить и по системе показателей нашей статистики. В корне отличались понятия, показатели и методы расчета валового продукта, национального дохода, перечня отраслей и отраслевой структуры, реальной заработной платы, прожиточного минимума, военных расходов и т.д. (отсюда и трудности с переходом на стандартную систему национальных счетов). Немало советологов занимались "переводом" и пересчетом этих и других показателей на общепринятый язык.

вания, кто — с производственной функции, а кто-то и разочаровался в возможностях моделирования. Прошли годы, но и сейчас некоторые авторы самые разные экономические проблемы рассматривают сквозь "свою" призму: будь то балансовое видение, оптимизационный подход, односекторный регрессионный анализ или просто вербальные конструкции.

Надеюсь быть правильно понятым. Нужно и важно рассмотреть структуру экономики и связи ее секторов, изучить равновесие и динамику народного хозяйства, хотя бы качественно описать пока не поддающиеся моделированию процессы. Но следует видеть неполноту и известную односторонность своего "угла зрения". И что еще существеннее, исходным объектом должна стать проблема, для которой подбираются, синтезируются или разрабатываются наиболее адекватные инструменты анализа, а не наоборот, когда проблема укладывается в прокрустово ложе метода или парадигмы.

Правда, фрагментарность инструментария, мозаичность научного осмысления реальности обычно характеризуют начальные шаги ее теоретического обобщения. Как известно, А. Эйнштейн в автобиографии 1941 г. выдвинул два критерия выбора научной теории. Первый — "внешнего оправдания", согласованности с опытом, наблюдениями, экспериментальными данными. Второй — "внутреннего совершенства", естественности предпосылок и выводов, не требующих дополнительных произвольных предположений (или минимизирующих их). Он как бы вводит в науку понятие эстетического изящества, красоты, логической стройности, соразмерности теории. Вероятно, и экономическая наука будет следовать обоим критериям Эйнштейна.

Второй критерий не нов. О красоте как форме целесообразности предмета писал еще И. Кант. Напоминая об этом, А.И. Каценелинбойген [13] считает, что между строгой наукой и верой лежит неосвоенное поле для применения "эстетического метода" — в принципе субъективного, но способного в известной мере отобразить и экономическую реальность. Время покажет насколько плодотворен такой подход, делающий заявку на "новые территории". Важно лишь, чтобы заявочный столб не препятствовал их последующему освоению нормальной наукой.

Теперь о математизации экономической науки. Действительность, безусловно, богаче формальной модели, которая всегда ее упрощает. Однако со времен И. Канта стало общим местом видеть в математизации знания одно из важнейших направлений его прогресса. Она обеспечивает четкость и непротиворечивость предпосылок, логическую строгость умозаключений и выводов, позволяет за счет абстракции упорядочить некую теоретическую конструкцию и в ряде случаев получать новые, не лежащие на поверхности научные результаты. Верно, что «академическому сообществу интересна не всякая модель, а только та, которая развивает содержательные, интуитивные представления о реальности, является ее "выжимкой", своего рода шаржем» [2, с. 771–772]. Но особенно ценно, если она еще дает новое знание.

Именно этим определяется польза и эффективность формализации и математического моделирования. Хотя, безусловно, имеют право на жизнь и совсем условные конструкции математической экономики, поскольку науке интересны как "подлинные", так и "искусственные", "выдуманые" реальности. Последние, кстати, неоднократно с опережением предсказывали многие черты действительности.

Возможно, в какой-то мере и справедливо мнение о том, что часть западной экономической науки чрезмерно увлекается "перематематизацией", при которой метод превращается в самоцель и не оправдывается результатом [4]. Но совершенствование метода — весьма важная самостоятельная задача, а его прикладные возможности далеко не всегда раскрываются сразу. К тому же я боюсь, как бы это предостережение не отвратило наших экономистов, особенно молодых, от широкого и глубокого изучения всего спектра западной научной литературы и не послужило оправданием математической неграмотности для многих представителей старшего поколения*. Ибо только

*Вспоминаю, с какой радостью в свое время были восприняты ими аналогичные суждения выдающегося представителя эконометрии и математической экономики В.В. Леонтьева в его президентском адресе Американской ассоциации экономистов, перепечатанном в журнале "США: экономика, политика, идеология".

на прочной базе мировых достижений, существенная часть которых получена на формальном языке математических моделей и методов, можно обновлять и развивать российскую экономическую науку.

Что изучать, что развивать. Конечно, методологические (или шире — логико-гносеологические) аспекты экономической науки являются для нас сейчас наиболее болезненными. Но познавать-то приходится некую предметную область — экономику. И здесь возникает ряд онтологических проблем, начиная с определения самого предмета.

Не вдаваясь в подробное обсуждение этого вопроса, хочу лишь отметить, что марксистско-ленинское определение предмета политической экономии (теперь переименованной в Московском университете в "общую экономическую теорию" — ср. [6]) как системы производственных отношений (см. [14, с. 62]) существенно сузило, обеднило, а затем и утопизировало область теоретических исследований и вытекающих из них приложений. Чего стоят "обобществление" производства в деревне и все его этапы, включая создание коммун, массовую коллективизацию и минимум трудодней, укрупнение колхозов, преобразование многих из них в совхозы, свод коров с подворий, ликвидацию неперспективных деревень во имя "агрогородов", а ведь за ними судьбы миллионов людей — "винтиков" в механизме "планомерно совершенствуемых производственных отношений реального социализма".

В новейшем учебнике уже подчеркивается, что производственные отношения изучаются в их единстве и взаимодействии с производительными силами и надстройкой [15, с. 48]. В еще более новом марксистском исследовании в связи с этим речь идет об общественном производстве как двуединстве производительных сил и производственных отношений [16, с. 47–58]. Расширение и обогащение предмета марксистской экономической теории вынуждалось потребностями анализа реальных процессов. Как в птолемеевой геоцентрической системе, приходилось достраивать вторичные эпициклы для корректировки понятий: "производство" дополнялось "нематериальным производством", все новые виды труда включались в "производительный труд" и соответственно в создание стоимости. Но опять всплывали непредусмотренные теорией сложности, например с факторами производства и оценкой их эффективности, с временным предпочтением благ (дисконтированием капитала, инвестиций) и т.д.

Сопоставим это с широко известным в мире определением предмета экономической науки, "изучающей, как люди и общество выбирают способ использования ограниченных ресурсов, имеющих альтернативное применение, для производства различных благ и их распределения для текущего и будущего потребления различных лиц и общественных групп" [17, с. 4]. Оно разрубает gordiev узел искусственных проблем. В рассмотрение сразу же вовлекается весь круг ресурсов. Их ограниченность и альтернативность способов использования ставит во главу угла проблему выбора и эффективности использования, ее оценки во времени при сопоставлении текущего и будущего потребления. Она же предусматривает сравнение предельных затрат и полезности. Исследуются во взаимосвязи все фазы движения ресурсов — от производства до потребления, причем приведенное определение, на мой взгляд, явно включает общественный характер способа использования ресурсов. Оно подчеркивает необходимость совмещения микро- и макроподходов.

Многоаспектность предмета экономической науки — как науки общественной, экологической, поведенческой, политической, моральной и математической — убедительно показал К. Боулдинг [18]. Каждый из этих аспектов дает свое видение экономики, требует специальных, частных теорий, в том числе еще не существующих. Их синтез и сможет дать действительно целостную картину такой сложной, полиструктурной системы, как экономика.

Так что же изучать отечественным экономистам в этой раскрывшейся предметной области? Разумеется, все, что хочется и что можно. Свобода исследования должна стать непреложным принципом и в нашей экономической науке. Ограничения ставят лишь правовые и этические нормы, а выбор определяется индивидуальными ценностными установками ученого. Конечно, они формируются под влиянием научного сообщества, которое ставит и критерии качества работ, отсеивая ненаучные результаты.

В какой-то мере на направления исследований воздействуют власть, спонсоры и меценаты своими заказами и денежными вливаниями. Все это так. Но в "нормальной науке" (по Т. Куну) сохраняется возможность прорыва одного или группы ученых к новым парадигмам [11]. Пока наша экономическая наука, развиваясь в нормальных условиях, со временем не станет "нормальной" в куновском смысле, ее поток будет замутнен квантинами работами, что, кстати, затруднит выделение подлинно пионерных парадигмальных результатов.

Поэтому, никоим образом не планируя, не предпрещая за кого бы то ни было, мне хочется обратить внимание на некоторые сложившиеся и складывающиеся "сгущения интересов" в отечественной экономической науке. Скорее всего именно здесь можно ожидать новых теоретических и прикладных результатов, а может быть, и научных прорывов*.

Главным таким проблемным ядром сейчас выступают процессы трансформации экономических систем, с которыми связана научная и практическая деятельность многих ведущих российских экономистов. Уже семь с лишним десятилетий отечественная экономика переживает цепь гигантских катаклизмов. Тектонические сдвиги перехода к социализму, его развития, последующей весьма разнородной трансформации охватили целые экономические материки — бывший СССР, страны Восточной Европы, Китай, Монголию, Северную Корею, Вьетнам, Кубу и Никарагуа, затронули некоторые африканские государства. У старшего поколения накоплен огромный жизненный материал, и часть его вместе с младшей генерацией активно участвуют во "включенном эксперименте", налажены научные связи с зарубежными коллегами, переживающими те же процессы. Исследования и разработки ведутся по многим направлениям, которые со значительной долей условности можно свести в две большие группы: "рыночно-институциональную" и "ресурсно-структурную".

Первая охватывает широкий круг проблем, связанных с переходом от административной, централизованно планируемой экономики к экономике "смешанного" или рыночного типов. К ним относятся интересные, институционалистские по духу интерпретации В.А. Найшулем, С.Г. Кордонским, А.А. Блохиным и другими административного рынка (рынка статусов), административно-бюрократической системы Г.Х. Поповым и Е.Г. Ясиным и анализ Е.Т. Гайдара властных структур. Основная же масса разработок посвящена формам и методам государственного регулирования экономики вообще, переходных процессов в особенности (назову хотя бы В.Д. Белкина, В.А. Волконского, Р.Н. Евстигнеева, В.В. Ивантера, Н.Я. Петракова, В.Л. Перламутрова, В.Г. Стародубовского, Г.А. Явлинского и их исследовательские группы, а также учителя многих из них А.М. Бирмана). Большое внимание уделяется общим и прикладным вопросам приватизации, становления новых секторов экономики, демонополизации, внутри- и внешнеэкономических связей (и влияния политических факторов), а также ценообразованию, финансовой и бюджетной, налоговой политике и т.п. Изучаются региональные и социальные аспекты экономической трансформации и рыночных реформ (занятость, социальные программы, социальное расслоение, проблемы молодежи, переквалификация, миграция и др.).

Богатые традиции имеют наши регионалисты (в прошлом земские статистики, Н.Н. Колосовский, ныне — А.Г. Гранберг, Р.И. Шниппер, О.С. Пчелинцев и др.) и демографы (упомянем А.Я. Боярского, Б.Ц. Урланиса, Д.И. Валентя, А.Я. Квашу, А.Г. Вишневого, а также изучающих социальные аспекты М.А. Можину, Н.Е. Рабкину, Н.М. Римашевскую). Известным теоретическим заделом располагают социологи (Ю.А. Левада, Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина, Ф.М. Бородкин, Л.А. Гордон и Э.В. Клопов, Н.Ф. Наумова и др.).

К сожалению, в стране ведется крайне мало исследований по современной "микроэкономике", теории фирмы, анализу рыночного поведения экономических агентов — государственных и частных предприятий, в том числе акционерных обществ, кооперативов, фермерских хозяйств, смешанных и иностранных компаний.

*Я не претендую на полноту охвата проблем и изучающих их ученых.

Исследования этой группы для наших экономистов либо являются новыми, либо содержат существенные новые акценты. И не удивительно — ведь все в экономике понималось как составные детали централизованно планируемого "единого народно-хозяйственного комплекса". Рыночная тематика (даже в форме "рыночного социализма") десятилетиями была в официальной советской науке под жесточайшим табу. Достаточно вспомнить многократные разносы, которым подвергались "ценовик" В.Д. Белкин, "рыночник" (тогда это был ругательный термин) Н.Я. Петраков и его коллеги. Даже более централистские варианты совершенствования планового ценообразования и анализа эффективности, предлагавшиеся В.Н. Лившицем, Д.С. Львовым, Г.И. Микериним, Н.П. Федоренко, В.Г. Гребенниковым, О.С. Пчелинцевым и С.С. Шаталиным и другими в рамках СОФЭ, также встречались в штыки.

Вторая, ресурсно-структурная группа исследований имеет более спокойную предысторию и преемственность с изучением темпов и пропорций экономического роста. (Правда, и здесь С.С. Шаталина ругали за "антимарксистскую критику" давно опровергнутого на Западе "закона преимущественного роста" тяжелой промышленности.) Подхваченная после 20-х годов Я.Б. Квашой, А.И. Ноткиным, Л.Я. Берри линия исследований затем на современном уровне была развернута А.И. Анчишкиным, А.Г. Аганбегяном, А.Г. Гранбергом, Ю.В. Яременко и руководимыми ими коллективами. В теоретико-методологическом отношении особый интерес представляют выдвинутая Ю.В. Яременко концепция качественной неоднородности ресурсов, которая существенно обогащает анализ структуры и структурных сдвигов в экономике, и разработанная им совместно с Э.Б. Ершовым и А.С. Смышляевым модель межотраслевых взаимодействий, расширяющая возможности анализа "затрат-выпуска"*.

В этой группе работ львиная доля принадлежит прикладным исследованиям по крупным межотраслевым и региональным комплексам (топливно-энергетическому (ТЭК), конструкционных материалов, аграрно-промышленному, транспортному и другим, западно-сибирскому, дальневосточному и т.д.). Издавна в них превалировал технико-экономический аспект. Однако в настоящее время необходимость разработки рекомендаций по структурной политике в условиях экономической трансформации и рыночных реформ поворачивает эти исследования к анализу многообразных рыночных и социальных факторов и тем самым сближает их с работами первой группы. Особенно четко это проявляется в разработках по конверсии военно-промышленного комплекса, а также в изучении проблем сельского хозяйства и ТЭК.

Та же тенденция прослеживается и в стоявших прежде особняком исследованиях по экономике науки. Сначала они сопрягались с ресурсно-структурной линией в изучении научно-технического прогресса и шире — социально-экономической динамики (А.И. Анчишкин, А.Г. Фонотов, С.Ю. Глазьев), а затем дополнились институциональным аспектом и рассмотрением роли науки и в более общем плане — информационных систем в процессах экономической трансформации (Б.Г. Салтыков, В.Л. Тамбовцев и др.). Сходные сдвиги претерпевали и исследования по эколого-экономическим проблемам (В.И. Данилов-Данильян, К.Г. Гофман и др.).

По обеим указанным линиям этот круг проблем преломляется и в работах по математической экономике. Так, В.М. Полтерович изучает и сопоставляет равновесные и неравновесные механизмы распределения ресурсов и на этой базе — пути перехода от централизованно планируемой к смешанной и рыночной экономике. Вместе с тем В.М. Полтерович и Г.М. Хенкин, развивая шумпетерианские идеи диффузии нововведений, разработали пионерную модель экономического роста как волнового процесса. Продолжает начатые еще совместно с Л.В. Канторовичем, а затем с А.М. Рубиновым исследования по экономической динамике и равновесию В.Л. Макаров.

Важным прикладным ответвлением основных научных исследований в стране, синтезирующим как собственные результаты, так и осмысление зарубежных, является раз-

*Возможно, эта модель послужит исходной формальной базой "мезоэкономики", изучающей взаимодействие крупных, как правило, монополизированных хозяйственных комплексов, о чем пишет Е.Н. Кузнецов [3].

работка программ экономической политики и прогнозирование социально-экономического развития страны. В свое время, начиная с 1970-х годов, дело ограничивалось составляемой каждую пятилетку комплексной программой, которая охватывала рекомендации по научно-технической и социально-экономической политике. Власть предержащие не очень-то обращали на них внимание. В наши переломные, кризисные годы спрос (хотя бы показной) на подобного рода продукцию резко возрос и породил бурный всплеск предложения, далеко не всегда доброкачественного.

Как ни странно, именно в аналитико-прогнозных разработках и экономико-политических рекомендациях редко учитывается взаимозависимость институциональной и ресурсной сторон процессов трансформации и развития нашей экономики, взаимодействие с социальными, политическими и многими иными факторами. Еще реже обращают на это внимание государственные мужи в своих решениях по экономической политике, из-за чего последние либо не реализуются на практике, либо приводят к совершенно иным, неожиданным для политиков результатам. Словом, не хватает столь нужного и традиционного для российского обществоведения широкого взгляда, комплексного, целостного рассмотрения социально-экономических проблем. Правда, порой под личиной системного подхода выступала дилетантская размахистость, противопоставляемая тщательной проработке деталей.

Прогнозно-программный жанр ныне представлен бесчисленными заявлениями, докладами, записками, публицистическими статьями. А он требует лапидарного, делового стиля. Поэтому так ярко обнаруживается слабость и необходимость целостного теоретического осмысления прошлого, настоящего и будущего нашего общества, которое базировалось бы на сборе и беспристрастном анализе фактического материала. Пока же превалирует словесный межпартийный спор о путях, о соотношении общего, особенного, уникального в России и в Евразии.

Хорошо бы, не дожидаясь пока уляжется пыль, развернуть серьезные междисциплинарные исследования по широкой социально-экономической тематике*. В свое время интерес к ней проявляли, например, Б.Н. Михалевский, Ю.И. Черняк и В.Н. Богачев. Возможно, окажется полезной и концепция социально-экономического генотипа. Подобные исследования позволяют более обоснованно судить о действительно важной проблеме специфики России и других стран бывшего СССР в развернутом отечественном и мировом контексте. В этой работе ближайшими зарубежными партнерами помимо коллег из бывших социалистических стран были и останутся специалисты по "сравнительной экономике", к которым, видимо, примкнут и бывшие советологи.

В данной связи по поводу критики И. Бирманом [4] Е.Н. Кузнецова [2] и его собственных суждений о советологии позволю себе высказать банальность. В советологии, как и в любой отрасли науки, работают люди разного уровня. Есть первоклассные профессионалы. Они (подобно А. Бергсону, Р. Пайпсу и др.), как правило, сочетают конкретный анализ с крупными теоретическими обобщениями общенаучного характера. Есть более узкие прикладники — "страновики" и "отраслевые", неплохо владеющие фактическим материалом. Но волна интереса к постсоветской России порой выплескивает и весьма поверхностных дилетантов, искренне желающих оказать бедным туземным экономистам и политикам гуманитарную помощь советами на уровне расхожего учебника для колледжа.

Кстати, стремление "измерить Россию общим аршином", по крайней мере статистическим, подводило иногда и западных профессионалов (см. также в [4]). Трудно им, выросшим в иной среде, осознать масштабы насилия, дезинформации, пропаганды, ценностные установки и прочие атрибуты тоталитарного режима.

Свою роль в наведении мостов с Западом смогут сыграть и отечественные экономисты-зарубежники. Многие из них хорошо знают свой предмет, хотя и они внесли свою лепту в идеологическое противоборство двух миров. И хотя идеологическое, как и научное, разнообразие целостного мира останется, переход к цивилизованному

*На "заре перестройки" известный импульс им дали два научных семинара в ИЭ ОПП.

обсуждению и сопоставлению общих черт и различий позволит нашим зарубежникам занять достойное место в теоретическом анализе мировой экономики.

Чему учить. В экономическом образовании — те же проблемы, что и в экономической науке, но возведенные в квадрат, поскольку, прежде чем научить студентов, надо переучиваться самим преподавателям. Потом все это следует помножить на хорошую методику преподавания и педагогическое мастерство. И наконец, необходимо ввести "коэффициент масштаба" резко возросшего спроса на экономистов и менеджеров — в науке, государственном и местном управлении, в частном и общественном секторах. Следовательно, полученный результат придется распространить на всю огромную систему экономического образования — вузы, техникумы, курсы и т.п., а также на преподавание экономики в инженерных и других учебных заведениях.

Исходное звено решения этой сложнейшей, многоаспектной проблемы — ведущие университеты страны, прежде всего Московский, Новосибирский, Санкт-Петербургский. Они разрабатывают новые учебные планы, программы курсов, которые могут быть использованы и в других местах. Надеюсь, что наладится и обратная связь с выпускниками, которые на себе ощущают плюсы и минусы университетского экономического образования.

Десятилетиями у государственного руля стояли бывшие инженеры и агрономы, окончившие в основном периферийные институты, причем часто совмещая заочную учебу с бременем государственных забот. М.С. Горбачев был первым руководителем страны, нормально (при всех недостатках современного образования) закончившим Московский университет. Некоторые его советники, а теперь и многие члены российского правительства — также выпускники этого университета. Хотелось бы надеяться, что и наши лучшие университеты подобно Оксфордскому и Кембриджскому в Англии, Гарвардскому, Йельскому и десятку других престижных университетов США станут питомниками не только научных, но и административных кадров*.

В [2, 3, 5] описана многоступенчатая система американского высшего экономического образования, принцип "концентрических кругов" в обучении (когда те же по названию курсы углубляются на каждой последующей ступени), возможности его диверсификации (выбора студентом широкого спектра дисциплин — и не только экономических), формы специализации на второй и третьей ступенях. Все это многократно опробовано в разных странах и заслуживает нашего самого пристального внимания.

Может только радовать, что многое из зарубежного опыта использовано при разработке новой модели подготовки экономистов в Московском университете [6]. Однако если обратиться к макету учебного плана четырехлетней университетской подготовки экономистов [6, с. 23], то радость несколько убывает. Ведь речь идет о базовом высшем экономическом образовании с присуждением степени бакалавра. Видимо, не без оснований Московский университет притязает на роль центра фундаментальной подготовки в области экономической теории. Но не меньшее право на подобную роль имеют, скажем, Гарвардский или Оксфордский университеты, с которыми я сравнивал московский учебный план (см. также [5, с. 106–107]).

Сразу же бросается в глаза, что в нем главная нагрузка в преподавании экономической теории (для базового, повторяю, образования!) падает не на общий курс (250 ч.), а на изучение книг (с большой буквы) — 284 ч. Раньше за марксовым "Капиталом" (85 ч.) следовал ленинский "Империализм", а теперь следуют "Принципы" А. Маршалла (68 ч.) и "Общая теория" Д. Кейнса (64 ч.). Вместо социализма в этом блоке углубленного изучения поставлена теория монетаризма (68 ч.) и интерэкономика (80 ч.). Здесь как нельзя лучше отражается традиция припадания к священным "первоисточникам", трепетного восприятия их истин.

Из-за неповторимости шедевров литературных произведений мы ценим и читаем их

*Нынешний руководитель Администрации президента России Ю. Петров прочит на эту роль бывшую сеть партийного образования — высших партшкол во главе с Академией общественных наук. Можно представить, каких новых чиновников будут ковать бывшие кузницы номенклатурно-идеологических кадров КПСС.

(Гомер, Данте, Шекспир, Гете, Пушкин) — они не заслоняют друг друга. В науке результаты Галилея, Ньютона и Эйнштейна, Евклида и Лобачевского, Дарвина и Менделя перевариваются, воспроизводятся, дополняются, согласуются и оседают в учебниках, и оригинальные труды этих великих ученых студенты обычно не изучают, хотя и знают их имена. Так должно быть и в экономике, если она — наука.

Для дела гораздо полезнее система курсов по экономике на первой ступени, например, на базе учебника [17], дополненного хорошими учебниками по макро- и микроэкономике, а также по истории экономических учений. Иначе студент сразу же, априори привязывается к за него выбранным доктринам — марксистской, маршаллианской (кембриджской школы), кейнсианской, либерально-монетаристской. За пределами сформированного таким образом "русла знаний" остаются М. Вебер и Й. Шумпетер, современные институционалисты, даже неоклассический синтез П. Самюэльсона в его "Основах экономического анализа" и многое другое. По-моему, самому студенту должен быть предоставлен свободный выбор углубленного изучения экономических доктрин, концепций, направлений, программ. Но заниматься этим всерьез следует уже на второй — магистерской ступени обучения. А на третьей — докторской (в аспирантуре, по-старому) для специализирующихся в области истории экономических учений или экономической политики (если есть желающие) могут проводиться особые семинары. Их можно посвятить, скажем, "Этике" и "Политике" Аристотеля или "Сумме теологии" и теории справедливой цены Фомы Аквинского, "Богатству народов" А. Смита или "Капиталу" К. Маркса, шведской модели социализма или экономическим преобразованиям большевиков, экономическим аспектам конфуцианской или протестантской этики и т.д.

Вообще базовое экономическое образование предпочтительнее строить на стержне общеэкономических курсов вокруг проблем и способов их решения — в различии предлагаемых способов и выявится многообразие концепций и программ. Особенно важно во что бы то ни стало преодолеть разрыв между экономическими и экономикоматематическими курсами. В западных вузах эта проблема вообще снята, поскольку во всех экономических курсах органически используются математические методы и модели. Есть там также курсы математической экономики, статистических методов и эконометрии, ряд специальных инструментальных курсов. Но они, конечно, не дублируют материал других дисциплин. У нас пока в экономикоматематических курсах приходится "переводить" на формальный язык словесные конструкции традиционно вербальных экономических дисциплин.

В меньшем объеме, но с большей прикладной направленностью современные знания по экономике должны получить и студенты других специальностей, связанных с хозяйственной деятельностью и, разумеется, уже занятые ее практикой (во всех секторах народного хозяйства). Значит, волна переподготовки преподавателей в соответствующих вузах, институтах и на курсах повышения квалификации уже должна развернуться в экономических вузах, которым и самим надо переучивать свои педагогические кадры. Основу этой масштабной и срочной работы могут составить хорошие по профессиональному уровню и дидактическим качествам учебники и учебные пособия, четко ориентированные на соответствующие категории потребителей*.

Вместо заключения. Еще рано подводить итоги. Ведь перепутье, на котором находится отечественная экономическая наука (и экономика в целом), — это не только развилка, но и кусок пути. Пройдены лишь первые, неуверенные шаги вверх по крутому откосу. Но уже ясно одно: чтобы у нашей экономической науки было будущее, необходимо поставить на ноги экономику, поднять с колен Россию. В противном случае наука, особенно фундаментальная, задохнется, поскольку талантливая научная молодежь (а она есть) уйдет в большинстве своем из этой сферы на заработки, уедет за рубеж. Сейчас по понятным причинам все озабочены судьбой физиков-ядерщиков. Однако

*Сейчас наш книжный рынок заполнила экономическая макулатура, которую выпускают чутко реагирующие на спрос неразборчивые мелкие фирмы, разные издательские отделы и т.п. Наш не очень-то подготовленный потребитель пока всеяден, а солидные журналы и газеты не помогают ему в выборе.

безразличие к молодому поколению экономистов может заложить такую мину замедленного действия под нашу науку и народное хозяйство, от которой им уже долго не оправиться. Это важно понять всем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Майминас Е. Долги экономистов -- в чем они? // Правда, 1990. 27 марта.
2. Кузнецов Е.Н. Университетское экономическое образование: как выбраться из тупика // Экономика и мат. методы. 1991. Т. 27. Вып. 4.
3. Кузнецов Е.Н. Университетское экономическое образование: что подсказывает западный опыт? // Экономика и мат. методы. 1991. Т. 27. Вып. 5.
4. Бирман И. Тупик в науке // Экономика и мат. методы. 1992. Т. 28. Вып. 4.
5. Марков А. Как учат экономистов в университетах США // Экон. науки. 1991. № 1.
6. Марков А. Об университетской модели подготовки экономистов // Вестн. Моск. ун-та. Экономика, 1991, № 5.
7. История экономических учений. Учебник для экономических специальностей вузов. М.: Высш. шк., 1983.
8. Katsenelinboigen A. Soviet Economic Thought and Political Power in the USSR. L., 1980.
9. Sutela P. Socialism, Planning and Optimality. Helsinki, 1984.
10. Майминас Е. К истории и перспективам развития экономико-математических исследований в СССР // Проблемы планирования и прогнозирования. М.: Наука. 1974.
11. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.
12. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука. 1990.
13. Каценелинбойген А. Эстетический метод в экономике. Benson, 1990.
14. Курс политической экономии в двух томах. Т. 1. М.: Экономика, 1973.
15. Политическая экономия. Учебник для вузов. М.: Политиздат, 1988.
16. Сухотин Ю.В. Потенциал экономической теории. М.: Наука. 1989.
17. Samuelson P., Nordhaus W. Economics, 12th ed. N.Y., 1985.
18. Boulding K. Economics as a Science. N.Y., 1970.

Поступила в редакцию
4 III 1992